

В.М. Корнуков*

КОНФЛИКТНОСТЬ ИНТЕРЕСОВ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ С ПОЗИЦИИ ЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация: В статье на основе анализа соответствующих норм Устава уголовного судопроизводства 1864 года, действовавшего и действующего уголовно-процессуального законодательства России исследуются вопросы законодательной регламентации соотношения полномочий сторон, сбалансированности правового обеспечения их процессуальных интересов при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. Утверждается, что состязательное начало, с одной стороны, создаёт возможность основным участникам процесса (сторонам) активно воздействовать на ход и результаты уголовно-процессуальной деятельности, с другой стороны, порождает конфликт интересов этих участников с точки зрения их процессуального обеспечения. Под этим углом зрения рассматриваются принятые в последние годы нормативные положения и правовые позиции Конституционного суда РФ, связанные с совершенствованием правового регулирования возвращения судом уголовных дел прокурору для производства дополнительного расследования. Диалектико-правового подхода, с использованием аналитического, исторического, сравнительно-правового методов исследования. Приводятся статистические данные, данные интервью и сведения информационного характера. Статья демонстрирует новый подход к характеристике коллизий законодательного регулирования правомочий сторон в уголовном судопроизводстве, правового обеспечения сбалансированности их уголовно-процессуальных интересов. Делается вывод о практическом возвращении в УПК РФ института дополнительного расследования уголовных дел и сомнительности именованной такой деятельности особым порядком движения уголовного дела, который якобы не тождествен его возвращению для производства дополнительного расследования (Постановление Конституционного суда РФ от 02.07.2013г.). Высказывается соображение, что поиски сбалансированности в обеспечении процессуальных интересов сторон не уместно вести посредством попеременного непропорционального изменения процессуальных возможностей участников уголовного судопроизводства и порядка их использования, влекущего стеснение прав и законных интересов этих субъектов права, в то время как в основе многих конфликтных ситуаций лежат ошибки и нарушения закона, допускаемые органами предварительного расследования, в том числе, по причине недостаточной профессиональной подготовки их работников. Рекомендуются прежде устранить либо хотя бы минимизировать первопричинные факторы, а затем регулировать механизм взаимодействия сторон и суда при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. В статье затрагиваются отдельные спорные вопросы стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: Устав уголовного судопроизводства, состязательность и конфликтность, регламентация полномочий сторон, конфликт интересов сторон, возбуждение уголовного дела, институт дополнительного расследования, сбалансированность процессуальных интересов, причины конфликтности интересов, пути устранения конфликтности, профессиональная подготовка следователя.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.4.11232

Устав уголовного судопроизводства Российской империи от 20 ноября 1864 года, 150-летию которого посвящена настоящая конференция, является замечательным памятником российской правовой мысли и

законодательного оформления уголовно-процессуальной деятельности. Он во многом предопределил будущее российского уголовного судопроизводства и ныне, при всей критичности восприятия многих положений, может слу-

© Корнуков Владимир Михайлович

* Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Тольяттинский государственный университет [vm-kornukov@rambler.ru]

445667, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14.

жить ориентиром при выборе путей его дальнейшего развития и совершенствования.

Одним из важнейших достижений указанного нормативного акта было введение в уголовное судопроизводство состязательного начала, создающего, с одной стороны, возможность основным участникам процесса активно воздействовать на ход и результаты уголовно-процессуальной деятельности, с другой стороны, порождающего конфликт интересов этих участников с точки зрения их процессуального обеспечения. Правило о равенстве сторон, закреплённое в ст. 630 Устава, распространялось только на судебное разбирательство, оно не касалось других аспектов взаимоотношений сторон между собой и с судом.

Формализуя начало предварительного следствия путём указания законных для этого поводов (ст.297) , употребляя в некоторых случаях понятие «возбуждение уголовного дела», Устав не предусматривал такой стадии в качестве самостоятельного этапа уголовного судопроизводства. В частности, жалобы лиц, потерпевших от преступления, почитались достаточным поводом и основанием к началу следствия. Согласно ст. 303 Устава ни судебный следователь, ни прокурор не могли отказать этим лицам при подаче ими соответствующей жалобы в производстве следствия. Гарантией соблюдения законных интересов лица, обвиняемого в совершении преступления, при этом выступало лишь предупреждение заявителя об уголовной ответственности за ложный донос. Указанные лица формально не именовались и не признавались потерпевшими, но пользовались широкими возможностями во время производства следствия. Они могли: 1) выставлять своих свидетелей; 2) присутствовать при всех следственных действиях и предлагать, с разрешения следователя, вопросы обвиняемому и свидетелям; 3) представлять в подтверждение своего иска доказательства; 4) требовать выдачи за свой счёт копий всех протоколов и постановлений (ст. 304 Устава). Лицо, в отношении которого было подано заявление о преступлении либо о совершении преступления которого стало известно из других источников, именовалось в Уставе обвиняемым без вынесения о том специального постановления и предъявления конкретного обвинения вплоть до окончания следствия и формулирования прокурором обвинительного акта. Кумулятивных норм о правах таких лиц и порядке их использования в Уставе не содержалось. После поступления уголовного дела в суд оно не подлежало дополнительному расследованию, за исключением случаев выявления в суде сведений о совершении обвиняемым другого более тяжкого преступления (ст.753 Устава).

Пришедшая на смену рассмотренного порядка советская модель уголовно-процессуальной деятельности в процессе своего развития изменила приоритеты обеспечения процессуальных интересов участников уголовного судопроизводства. Отказавшись от состязательности, она ввела в качестве самостоятельного этапа уголовного процесса стадию возбуждения уголовного дела, упорядочило процессуальное положение подозреваемого и обвиняемого, обеднило по сравнению с ними правовые возможности потерпевшего, хотя и выделило его в качестве самостоятельного участника уголовного процесса. Широкие дискреционные возможности получил суд, соединивший в себе все основные процессуальные функции. Дополнительное расследование уголовных дел стало нормой советского уголовного процесса. Конфликт интересов сторон (основных участников процесса) был прикрыт широким усмотрением суда.

УПК РФ 2001 года возвратил состязательность, обострив тем самым проблему конфликтности интересов сторон в процессе. Он не расформировал стадию возбуждения уголовного дела. Наоборот, в период его действия эта стадия приобрела насыщенность и стала по существу неким отрезком предварительного расследования, хотя на практике и именуется доследственной проверкой. В результате она приобрела характер фильтра, работающего на сторону потенциальных подозреваемых и обвиняемых против лиц, потерпевших от преступных деяний. Например, по данным МВД РФ в 2012 году было зарегистрировано 26,4 миллиона заявлений и сообщений о преступлениях. А по результатам их проверки было возбуждено только 1,9 миллиона уголовных дел. Применительно к СК РФ эти данные образуют пропорцию в 985,6 тысяч и 132 тысяч соответственно.¹ Органы прокуратуры ежегодно выявляют сотни тысяч неучтённых и необоснованно отвергнутых органами предварительного расследования заявлений и сообщений о преступлениях. Так, по словам Генерального прокурора РФ, за 11 месяцев 2013 года «ими было выявлено более 140 тысяч ранее известных, но по разным причинам не учтённых преступлений. Это около 7 процентов от всех зарегистрированных».²

Не без учёта указанного выше обстоятельства в последнее время в юридической лите-

¹ См.: Волеводз А. Половина госбюджета России ежегодно – цена возможной очередной реформы уголовного процесса. Пора бы остановиться. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=667528> (дата обращения 27.02.2014).

² Егоров И. Законный вопрос //Российская газета. 2014. 10 января.

ратуре вновь получила обострение периодически обсуждаемая тема целесообразности дальнейшего сохранения стадии возбуждения уголовного дела в качестве самостоятельного этапа уголовного судопроизводства. Многие учёные высказываются за её ликвидацию. Определённый резон в подобного рода суждениях, безусловно, присутствует и виден особенно при сопоставлении содержания осуществляемой в этой стадии деятельности и принимаемых по её окончании решений. Тем более, если учесть, что основное назначение данной стадии – быть водоразделом между доследственной и следственной деятельностью, в последнее время существенно поколеблено. Ныне до возбуждения уголовного дела может производиться значительная часть следственных и других уголовно-процессуальных действий: практически все виды осмотров, экспертных исследований, освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования и т.д. Среди прочих доводов «противников» этой стадии довольно часто фигурирует указание на её отсутствие в других правовых системах. Частично разделяя отдельные суждения сторонников изложенного отношения к стадии возбуждения уголовного дела, мы считаем, что этот длительный этап выделяемый в российском уголовном процессе этап уголовно-процессуальной деятельности в условиях современной действительности не только уместен, но и необходим. Даже при утрате императивного запрета на производство следственных действий, он не перестал играть важную роль в защите прав и законных интересов участников соответствующей деятельности, так как исключает возможность полномасштабного использования указанных действий и применения мер процессуального принуждения до того, как будут выявлены веские основания для осуществления расследования по поступившему сообщению о преступлении. Только его содержание, сроки и значимость не надо гипертрофировать. Они должны определяться назначением этой стадии, состоящим в установлении наличия либо отсутствия оснований для возбуждения уголовного дела, а не в определении его судебной перспективы, как это нередко истолковывается на практике. Что касается её названия, то суть не в нём, оно устоялось и воспринимается достаточно адекватно. Хотя при желании может быть изменено на более приближённое к содержанию и назначению деятельности, осуществляемой в данной стадии. Её можно было бы именовать стадией проверки сообщения о преступлении. Что касается полного отказа от рассматриваемой стадии, то его следовало бы увязать с упрощением предварительного

расследования, сведением его к необходимому минимуму и перемещением центра тяжести уголовно-процессуальной деятельности в судебное производство. Кстати, Устав уголовного судопроизводства (ст.545) предусматривал возможность принятия и рассмотрения судом уголовного дела без производства предварительного следствия, «если прокурор по представленным ему сведениям и доказательствам или по самому свойству дела признает возможным предложить суду обвинительный акт, и если суд со своей стороны не усмотрит надобности в предварительном следствии». Правда, это касалось только дел, рассматриваемых без участия присяжных заседателей.

Одним из важнейших достижений УПК РФ 2001 года считалось исключение дополнительного расследования по уголовным делам. Убрав данный институт, УПК сохранил при этом возможность возвращения судом уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения в судебном заседании в рамках и на основе обвинительного заключения, составленного следователем. Для того чтобы не возникало никаких сомнений на этот счёт, ст. 237 УПК РФ не предусматривала, а затем, в 2003 году, и прямо запретила производство каких-либо следственных и иных уголовно-процессуальных действий по возвращённому делу, ограничив срок устранения следователем допущенных по нему нарушений 5-ю сутками. При этих условиях вопрос о каком-либо расследовании по уголовному делу, возвращённому судом прокурору в порядке ст. 237 УПК, не возникал и не мог возникнуть, потому что вся деятельность следователя в этом случае сводилась практически к технической работе по приведению в соответствии с требованиями закона обвинительного заключения, а дознавателя – обвинительного акта. Такая регламентация взаимоотношений суда с органами предварительного расследования и деятельности последних по возвращённым им уголовным делам существенно углубила и без того довольно выраженную в Российском уголовно-процессуальном праве конфликтность интересов сторон в уголовном судопроизводстве и породила массу неразрешимых процессуальных ситуаций на практике. Потерпевшие в массовом порядке стали обращаться в Конституционный суд РФ с жалобами на несоответствие УПК РФ Основному Закону страны в той его части, в которой он не позволял им добиваться справедливого, с их точки зрения, осуждения обвиняемого, совершившего более тяжкое преступление, чем то, которое было вменено ему в вину органами предварительного расследования. Поскольку предмет и пределы судебного разбирательств-

ва уголовного дела определяются обвинением, фигурирующим в обвинительном заключении или обвинительном акте, суд в подобной ситуации не мог ни сам исправить ошибку в квалификации преступления, ни возратить с этой целью уголовное дело прокурору даже при очевидно неправильном применении уголовного закона. В связи с этим соответствующие запросы в Конституционный суд РФ вынуждены были направлять и суды Российской Федерации. Под воздействием решений Конституционного суда законодатель стал корректировать уголовно-процессуальный закон. В 2003 году (Закон РФ от 04. 07. 2003 г. № 92 ФЗ) были расширены основания возвращения уголовного дела, в 2008 году (ФЗ от 02. 12. 2008 г. №226-ФЗ) отменены срок устранения выявленных по нему нарушений и запрет на производство следственных и иных уголовно-процессуальных действий. Нормативное решение о возможности осуществления указанных выше действий было увязано с продлением срока содержания обвиняемого под стражей. Если в такой редакции ст. 237 УПК РФ никак не связывала возвращение уголовного дела прокурору с возможностью ухудшения положения обвиняемого, то последующие её изменения (Законы РФ от 04. 03. 2013 г. № 26-ФЗ и от 26. 04. 2013 г. № 64-ФЗ) прямо предусматривают такую возможность. Теперь согласно ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ судья по ходатайству стороны возвращает уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, если: 1) после направления уголовного дела в суд наступили новые общественно опасные последствия инкриминируемого обвиняемому деяния, являющиеся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления; 2) ранее вынесенные по уголовному делу приговор, определение или постановление суда отменены в порядке, предусмотренном главой 49 УПК, а послужившие основанием для их отмены новые или вновь открывшиеся обстоятельства являются в свою очередь основанием для предъявления обвиняемому обвинения в совершении более тяжкого преступления.

Конституционный суд РФ в решении указанного выше вопроса пошёл ещё дальше. В Постановлении от 02.07.2013 года он, в отличие от законодателя, не связал возможность возвращения уголовного дела прокурору при угрозе ухудшения положения обвиняемого только с указанными выше обстоятельствами. Согласно сформулированной им правовой позиции, суд может и должен это сделать, кстати, и не только по ходатайству сторон, но и по собственной инициативе, во всех случаях, когда квалификация действий (бездействия) обвиняемого,

содержащаяся в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, по мнению суда, не соответствует фактическим обстоятельствам уголовного дела и не отвечает требованиям Общей и Особенной частей Уголовного Кодекса РФ. Законодателю предписано «внести в правовое регулирование изменения, направленные на устранение препятствий для вынесения судом основанного на правильном применении норм уголовного и уголовно-процессуального законов решения по уголовному делу в случаях, когда фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства им установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления»³.

Означает ли это, что мы вернулись к тому, от чего отказались в 2001 году и как изложенная позиция Конституционного суда соотносится с сформулированным им же ещё в 1999 и 2003 годах запретом возвращения судом прокурору уголовного дела, обременённого возможностью и необходимостью восполнения неполноты предварительного расследования? Отметив, что «неустранимость в судебном производстве процессуальных нарушений, имевших место на этапе предварительного расследования, предполагает осуществление необходимых следственных и иных процессуальных действий», и ссылаясь на стадийность уголовного судопроизводства, Конституционный суд в Постановлении от 2 июля 2013 года, расценил процедуру возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий к его судебному рассмотрению как особый порядок движения уголовного дела, не тождественный его возвращению для производства дополнительного расследования. Можно предположить, что дополнительное расследование Конституционный суд связывает, прежде всего, с необходимостью восполнения неполноты предварительного следствия или дознания. То, что и в первом и во втором случае соответствующая деятельность осуществляется путём производства следственных и других процес-

³ См.: Постановление Конституционного суда РФ от 02.07.2013 года по делу «О проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда»// Российская газета. 2013. 12 июля.

суальных действий, значения не имеет. Тогда что ж такое расследование вообще? В чём его суть? До сих пор сущность расследования в теории уголовного процесса в первую очередь усматривалась именно в производстве следственных действий с целью собирания доказательств и выяснения всех обстоятельств уголовного дела. Следственные действия считались и считаются основным средством, а их производство – основным способом собирания и исследования доказательств. Другого назначения указанные уголовно-процессуальные явления не имеют. Это, во-первых. Во-вторых, усмотренное судом нарушение уголовного закона в части квалификации вменённого в вину обвиняемому преступления, для устранения которого уголовное дело возвращается прокурору, может быть прямо связано с совокупностью доказательств, собранных по делу. Допустим, следователь счёл, что собранных доказательств недостаточно для квалификации действий обвиняемого по более тяжкой статье, необходимость применения которой усмотрел суд. Что он должен делать? Выполнять предписание суда? Если да, то, как это предписание, предопределяющее решение следователя и будущий приговор по делу, должно выглядеть и в каком процессуальном качестве в данном случае выступает суд? Либо, следуя указаниям закона, следователь принимает самостоятельное решение после производства следственных действий, направленных на получение дополнительных сведений доказательственного значения и определения своего отношения к тому, что суд счёл процессуальной ошибкой?

Очевидно, что в современных условиях ограничиться технической работой по приведению обвинительного заключения в соответствии с мнением суда следователь, по общему правилу, не может. Исправление ошибки в квалификации преступления в указанном выше и других подобных случаях, а тем более вменение в вину обвиняемому более тяжкого преступления в связи с наступлением после направления дела в суд новых общественно опасных последствий инкриминируемого ему деяния или выявления других новых или вновь открывшихся обстоятельств, которые послужили основанием для отмены ранее состоявшихся по делу решений в порядке, предусмотренном главой 49 УПК РФ, не возможны без производства следственных и иных уголовно-процессуальных действий, направленных на расширение и дополнительное исследование доказательственной базы, собранной по уголовному делу, а по существу – без дополнительного расследования. Именованную такую процессуальную деятельность особым порядком движения уголовного дела можно только с огромным допуском или лу-

кавством, прикрывающим действительность и учитывающим конкретно-предметную направленность указанной деятельности.

Относительно неполноты предварительного расследования позиция Конституционного суда, на наш взгляд, не изменилась, что отчасти подтверждается и рассмотренным выше осторожным подходом к характеристике процедуры возвращения судом уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ как особого порядка его постадийного движения. Да и восполнения неполноты проведённого ранее предварительного следствия или дознания, в том смысле, который ранее придавался этому явлению, в рассматриваемой процедуре по существу нет.

Теперь о том, как рассмотренные изменения закона и правовая позиция Конституционного суда отразились и отразятся на правовом положении участников уголовного процесса. Прежде всего, они устранили конфликтно-ёмкий аспект уголовно-процессуального регулирования порядка и способов использования сторонами предоставленных им полномочий и их взаимоотношений с судом. Потерпевший и сторона обвинения в целом, получили возможность отстаивать свою позицию по уголовному делу и добиваться принятия по нему законного, обоснованного и справедливого, по их мнению, приговора либо другого решения суда во всех стадиях уголовного судопроизводства. Позитивно они выглядят и с точки зрения восстановления престижа и определения подлинного назначения российского суда и российского правосудия по уголовным делам, поскольку по ранее действовавшим нормам выходило, что обвинение, предъявленное следователем, практически предreshало будущий приговор и судьбу обвиняемого с точки зрения невозможности ухудшения его положения и полностью в этом отношении связывало судей. Надо отдать должное обстоятельности и убедительности суждений Конституционного суда по этому вопросу, содержащихся в Постановлении от 2 июля 2013 года. Действительно, подлинное правосудие не совместимо с приговором, не отвечающим требованиям норм уголовного закона, поскольку уголовный процесс, а, следовательно, и деятельность по осуществлению правосудия по уголовным делам, есть форма жизни уголовного закона.

Однако в существующем проигрыше оказалась защита и, прежде всего, обвиняемый. Его нынешнее положение по сравнению с предыдущим значительно осложнилось как в плане существа возможных последствий возвращения уголовного дела прокурору, так и в связи с предстоящим испытанием дополнительной деятельностью, увеличением сроков производства по уголовному делу, возможного со-

держания под стражей и другими издержками, сопровождающими уголовный процесс.

Кроме того, сложившаяся ситуация не безукоризненна с точки зрения проблемы так называемого двойного осуждения за одно и то же преступление, отвергаемую актами международного права (ст.4 протокола № 7 к ЕКПЧ)⁴. Считается, что нарушение запрета *Non bis in idem*, вытекающего из принципа состязательности и равенства сторон, предоставляет стороне обвинения неограниченное превосходство в доказывании своей позиции. Не случайно Устав уголовного судопроизводства 1864 года исключал возможность вторичного привлечения к следствию и суду по тому же самому преступлению, оправданного вошедшим в законную силу приговором суда даже при открытии новых обстоятельств к его изобличению (ст. 21). Точно так же при указанных обстоятельствах осужденный не мог быть вновь судим по тому же делу, «хотя бы впоследствии были обнаружены обстоятельства, увеличивающие его вину» (ст. 22). Исклю-

чения из указанных правил составляли случаи, когда судом признавалось, что прежде состоявшийся приговор был последствием подлога, подкупа или иного преступления (ст. 23).

И наконец. Поиски сбалансированности в обеспечении процессуальных интересов сторон вряд ли уместно вести посредством попеременного непропорционального изменения процессуальных возможностей участников уголовного судопроизводства и порядка их использования, влекущего стеснение прав и законных интересов этих субъектов права, в то время как в основе многих конфликтных ситуаций лежат ошибки и нарушения закона, допускаемые органами предварительного расследования, в том числе, по причине недостаточной профессиональной подготовки их работников. Прежде надо устранить либо хотя бы минимизировать первопричинные факторы, а затем регулировать механизм взаимодействия сторон и суда при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности.

Библиография

1. Волеводз А. Половина госбюджета России ежегодно – цена возможной очередной реформы уголовного процесса. Пора бы остановиться. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=667528> (дата обращения 27.02.2014).
2. Егоров И. Законный вопрос //Российская газета. 2014. 10 января.

References

1. Volevodz A. Polovina gosbyudzheta Rossii ezhegodno – tsena vozmozhnoi ocherednoi reformy ugolovnogo protsessa. Pora by ostanovit'sya. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=667528> (data obrashcheniya 27.02.2014).
2. Egorov I. Zakonnyi vopros //Rossiiskaya gazeta. 2014. 10 yanvarya.

Материал поступил в редакцию 3 марта 2014 г.

⁴ См.: Европейская конвенция по правам человека. European Court of Human rights. Council of Europe. С. 47.